

ЛАБОРАТОРИЯ УЧЕНОГО

М. Н. Вшивцева

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: О СУЩНОСТИ И ПРИРОДЕ ПОНЯТИЙ

Сегодня вряд ли кто станет оспаривать тот очевидный факт, что мы живем в условиях глобализации. В подтверждение этого можно привести немало примеров. Изобретение атомной бомбы означало угрозу существованию всего человеческого сообщества. В настоящий момент ракеты со смертоносными боеголовками в считанные минуты могут достичь любой точки земного шара. Современный арсенал ядерного вооружения делает возможным коллективное самоубийство человечества либо глобальное опустошение нашей планеты.

В итоге все мы превратились в своеобразных заложников, само существование которых определяется множеством не зависящих от них факторов, ведь войны отныне, как правило, не ограничиваются масштабами отдельных регионов, да и ведутся они теперь отнюдь не только между государствами. Терроризм и тесно связанная с ним организованная преступность стали носить наднациональный и надгосударственный характер, они действуют глобально и всеми силами стремятся получить доступ к оружию массового уничтожения. Это со всей очевидностью подтвердили события 11 сентября 2001 года в США. Теперь исчезли последние сомнения в том, что террористы могут спровоцировать всемирную катастрофу, нанеся, например, удар по атомной электростанции. В тех же целях они не преминут использовать и другие крайне опасные технологии, применяемые пока только в мирном производстве, – биотехнику, генную инженерию и т. д.

Данные примеры показывают, что современная глобализация началась с глобализации страха и ужаса. В полной мере это относится и к ее экологическому аспекту. Хищническая эксплуатация земли, воздуха и воды, бесконтрольное развитие промышленного производства нанесли гигантский и во многом невосполнимый

ущерб природе. В этом смысле глобализация означает разрушение нашей планеты.

Перечень ужасных последствий, самым непосредственным образом связанных с глобализацией, можно продолжать достаточно долго. В ее русле четко просматривается, например, появление ряда новых болезней, одна из которых, СПИД, превратила весь земной шар в глобальный очаг инфекции и зону заражения. Другим тяжелым последствием глобализации является проблема перенаселенности.

Все эти последствия в значительной степени обусловлены теми экономическими и техническими процессами, которые протекают в рамках глобализации, поскольку они, кроме всего прочего, вызывают непрерывный рост плотности взаимосвязей: экономических, культурных, научных, технических, туристических и коммуникативных. В результате глобализации в сфере экономики наблюдается значительное усиление обоюдной зависимости рынков и производств в различных странах, которое происходит вследствие не признающего никаких границ движения капитала и технологий, а также действий, связанных с товарами, оказанием услуг и рабочей силой.

В связи с этим следует заметить, что глобализация знаменует собой, помимо прочего, полный триумф капитализма. После распада мировой системы социализма он превратился в безраздельно доминирующую экономическую модель. Несмотря на сохраняющиеся различия политического и религиозного характера, сегодня происходит унификация всех хозяйственных и технических форм, хотя и на различных уровнях развития. Естественно, в настоящий момент существуют и контрдвижения, однако и они, как правило, опираются на западный капитал и технику.

В условиях глобализации разрегулированность финансовых рынков может обрушить экономику любой, даже самой развитой, страны. Транснациональные концерны и корпорации способны до предела ослабить или даже устранить местную легитимную политическую власть. Капитал легко перетекает через межгосударственные рубежи и постоянно демонстрирует свою возможность вызывать засуху, наводнения и другие стихийные бедствия, причем как в прямом, так и переносном смысле, ведь все природные катастрофы глобального масштаба спровоцированы человеком. В основе их лежит тщательно продуманная и технически обеспеченная стратегия, направленная на максимизацию прибыли. Каждый из этих процессов сам по себе носит вполне рациональный характер, но вместе они порой безрассудны.

Это вызывает справедливое беспокойство общественности, тем более что глобальные информационные технологии позволяют узнавать о событиях, происходящих в любой точке планеты. Эта высокая степень информативности и самоочевидности тоже непосредственно связана с современной глобализацией. То, что в мире все со всем так или иначе связано, было известно уже довольно давно. Однако раньше эти процессы, образно говоря, были скрыты за спинами их участников и не видны постороннему глазу. Теперь же, в условиях глобализации, получило развитие самовосприятие, колеблющееся между эйфорией и истерией. Это означает, во-первых, восприятие самого себя и, во-вторых, восприятие того, что все между собой тесно взаимосвязано. Современная глобализация, таким обра-

зом, обладает самореферированностью, что во многом определяется развитием коммуникативной техники.

Вместе с тем следует признать, что глобализация являет собой не только совокупность плохих известий, которые быстро облетают вокруг земного шара. Существуют также глобальные кооперационные связи вполне благоприятного характера. Нельзя отрицать, например, положительный, с точки зрения облегчения и сохранения жизни, эффект повсеместного распространения современной техники и достижений медицины и естественных наук. Как глобальное по своему характеру учреждение функционирует Организация Объединенных Наций. Кроме того, сложилась густая сеть дополняющих либо даже конкурирующих с ООН меж- или надгосударственных организаций и союзов, деятельность которых тоже направлена на искоренение насилия и войн.

Утверждение новой роли мирового общественного мнения привело к тому, что режимы тирании стали ощущать на себе пристальное внимание и испытывать узаконенное давление со стороны демократических сил. Не остаются больше не замеченными нарушения прав человека, которые вызывают, как правило, резкий протест мировой общественности. Продолжает складываться международная система судопроизводства. Растет движение противников глобализации, которые научились весьма виртуозно использовать охватывающие мир информационные и мобилизующие технологии.

Из сказанного следует, что глобализация представляет собой не единый и односторонний, а сложный и многогранный процесс. Поэтому, как полагает немецкий философ и политолог Р. Сафрански, необходимо говорить не о «глобализации», а о «глобализациях»¹. Нет недостатка и в альтернативных по отношению к глобализации попытках поставить под контроль и преобразовать динамику развития капитала и техники. Если критики глобализации – будь то государства, организации или отдельные личности – начинают формировать собственные экономические системы и информационные сети, то целью этого является стремление вернуть себе утраченные те или иные конкретные зоны действия и создать альтернативные глобальному этосу формы.

Как правило, все это происходит в практической области, тем не менее масштабность глобальных задач нередко стимулирует также возникновение различных теорий глобального, идеологически направленных либо в поддержку глобализации, либо на ее критику. Поэтому мы сегодня имеем дело не только с фактически происходящими глобализациями, но и с глобализмом, представляющим собой идею или идеологию.

Глобализм как идеология рисует такую картину мирового сообщества, где оно предстает более единым и целостным, чем есть на самом деле. Нередко игнорируется тот факт, что если в определенных регионах действительно растет гомогенность, то в других в то же самое время происходит драматический процесс отдаления от остальных международных событий. Одни общества и регионы активно взаимодействуют между собой, другие, напротив, все более превращаются в «белые пятна» и опускаются обратно на предыдущие, пройденные ранее ступени развития.

В сообщаемом мире наблюдается рост своего рода разновременности. Возникают все новые временные зоны, смысл которых заключается в отличии не часовых поясов, а исторических эпох. Например, в Африке

многие государства тонут в пучине межплеменных столкновений и войн бандитских кланов, происходит процесс рефеодализации, вновь наступают времена дорожного разбоя и морского пиратства, ужасающая бедность и невыносимые условия жизни делают бессильными общепринятые нормы и правила человеческого общежития. Цивилизаторский минимум здесь попросту исчезает.

Подобная драматическая разновременность порождает в общественном сознании разнообразные рефлексy. Все зло, воспринимаемое на Западе как абсолютно неприемлемое и подлежащее полному и безусловному искоренению, на Востоке рассматривается как вполне возможное. Достаточно вспомнить, например, об угрозе войны с применением ядерного оружия между Индией и Пакистаном. Многие люди в подобной ситуации, чтобы не впасть в панику и подавить растущее чувство тревоги, находят для себя спасение в добродушно-либеральном и в некоторой степени циничном постулате: чужие страны, чужие нравы. В результате, к примеру, одобряется ограничительная политика Китая в области семейных отношений, так как она направлена на решение проблемы перенаселенности, но одновременно она же и порицается, поскольку противоречит демократическим стандартам.

На почве глобализации возникают, таким образом, и новые различия, которые, однако, практически не приводят к отходу от согласованных и приведенных в соответствие позиций. Глобализм как идеология не допускает возможности дальнейшего роста разновременности и дифференциации в развитии, которые признаются им исключительно в качестве феноменов переходного периода.

В этом отношении, кстати, глобализм выглядит не вполне реалистичным. Он предстает в большей степени как некое требование к действительности, нежели как соответствующее реальным описание. Из глобального бытия он делает глобальное долженствование. Поэтому глобализм можно рассматривать и как нормативно оформленную глобализацию! Если при этом он остается недогматичным, подвижным и восприимчивым, то речь идет о глобализме как идее, в противном случае – как идеологии. В качестве последней глобализм выступает как духовный аспект любой глобализации. Кроме того, он воздействует на реальное движение, ускоряя и придавая ему легитимность, либо, напротив, парализуя его.

В связи с вышеизложенным можно выделить три варианта нормативного глобализма. Самым действенным из них является неолиберализм. Поскольку он обладает наибольшей силой, то критически настроенная общественность стремится разоблачить его в первую очередь. Неолиберализм использует ссылку на глобализацию в качестве аргумента в поддержку идеи о социальной безответственности капитала и активно спекулирует на том, что государства конкурируют между собой за рабочие места и поэтому стараются повысить свою инвестиционную привлекательность за счет снятия разного рода барьеров, под которыми понимаются экологическая, профсоюзная, социальная, налоговая и прочая регламентация.

Неолиберальный глобализм представляет собой идеологию беспрепятственного движения капитала в поиске наиболее благоприятных условий для его использования. Он указывает на то, что иногда, в целях осуществления примата экономики, которой должны служить государство и культура, можно формально и отделяться от потоков капитала. В связи с этим

можно считать неолиберализм в определенном смысле возрождением марксизма как идеологии менеджмента, поскольку он столь же подвержен экономизму, как и вулгарный марксизм, что самым наглядным образом представлено в «Коммунистическом Манифесте».

Идеологи свободного рынка хорошо разбираются в изменчивости бытия и долженствования. Они заявляют, что экономическое бытие определяет сознание, добавляя при этом, что так и должно быть. Изменчивость же отношений между фактическим и нормативным добавляет несколько весомых аргументов в их пользу: при критике рынка с позиции нормативности можно снова обращаться к силе фактов, а, при эмпирической критике рыночных реалий призывать к идее рынка, которая никогда не могла бы быть реализована в чистом виде.

Неолиберальные идеологи, захватывая одновременно как поле сущего, так и зону должного, нередко ссылаются на взгляды Адама Смита. Однако тот вовсе не был сторонником ничем не ограниченного господства рынка. Для А. Смита рынок представлял собой благо для общества только в том случае, если он базировался на человеческой морали. Сам по себе рынок не может вырабатывать те предпосылки духовного и морального характера, которые необходимы для его функционирования.

Эти идеи А. Смита были забыты многими из его современных последователей. Отдал в молодости дань неолиберальной идеологии, которая по сей день царит на верхних этажах глобальных экономических институтов, лауреат Нобелевской премии, известный теоретик либеральной экономики Йозеф Штиглиц. Сейчас, правда, он убедительно описывает и доказывает, как воспетые неолибералами открытый рынок, приватизация и урезание социального бюджета государства могут обусловить растущую напряженность в обществе и обрушить народное хозяйство, как это случилось в России и Аргентине². Мыслить идеологически, действовать глобально – вот в чем заключается самый опасный вариант глобализма.

Другой важный аспект идеологического глобализма заключается в антинационализме. Указывая на то, что будущее заключается в глобальном, некоторые мечтатели и романтики верят в возможность преодоления национализма в Европе посредством отказа от собственной истории либо ее разрушения. В этом плане глобализм означает полный и окончательный отказ от национализма! Особенно пылко глобалистские призывы такого рода звучат в Германии. Местные политические доброжелатели избрали вначале Европу, а затем и весь мир в глобальном масштабе в качестве убежища от своего неблагоприятного националистического прошлого.

Данный глобализм, как и неолиберализм, тоже является нормативным, во всяком случае в отношении мирового сообщества. Будучи погруженными в транснациональные связи в различных сферах – коммуникативной, транспортной, технической и т. д., мы действительно должны освобождаться от национальных пут и обусловленных ими состояний напряженности. Это выглядит крайне привлекательным, особенно если задуматься о проявлениях национализма.

Однако и антинационалистический глобализм не в состоянии изменить основное антропологическое условие, которое заключается в том, что мобильность и открытость миру уравниваются устойчивостью и неподвижностью. Мы можем глобально общаться и путе-

шествовать, но не можем жить в глобальном. Жить мы можем только здесь или там, но не везде.

Особенно выразительно эта устойчивость представлена в понятии «родина». При этом в каждом конкретном случае оно может вызывать и определенную тревогу. Например, в Германии слово «родина» нередко предполагает отсталость, кондовость и даже реваншизм. Нет ничего удивительного в том, что в таком народе, как немецкий, который с боевым кличем «Нас лишили жизненного пространства!» разрушал земли других народов или изгонял их с них, а впоследствии сам испытал изгнание и разрушение, речь о «родине» на определенное время утратила свое прямое значение. Остается лишь надеяться, что это не будет продолжаться, поскольку сейчас нам вновь требуется позитивная оценка родины – уже по причинам антропологического характера.

Существует принцип: чем эмоционально насыщеннее привязанность к месту, тем выше готовность и способность к мирооткрытости. При этом не надо путать с открытостью и общепринятостью истерию «глобальных игроков». Общепринятым, обычным человеком является не тот, кто лишь прямолинейно следует за своими охватывающими весь мир гешефтами или путешествует по всему свету в качестве туриста. К этому должна еще обязательно прилагаться постоянная готовность быть включенным в чужое, доселе незнакомое. Общепринятым и открытым человеком в полном смысле слова можно считать лишь того, кто преобразован посредством всего богатства мирового опыта.

Наконец, существует третий вариант нормативного глобализма, с которого, собственно, и началось современное осмысление глобального: с тревогой и сочувствием мы взираем, словно из космоса, на нашу бедную планету, которую мы сами разрушили, а теперь должны спасать. Мы открываем для себя Землю как глобальную биосферу, как дом, где протекает наше бытие, которому угрожает гибель вследствие наглой заносчивости нашей технической культуры, поскольку мы забыли о своей коллективной ответственности за все происходящее.

Данный глобализм понимается крайне возвышенно – великим «Мы!» человечество празднует здесь свое воскрешение, и, одновременно, он служит предостережением по поводу предстоящих изменений. Апокалиптические всадники уже мчатся во весь опор, потребительская культура вскоре будет обречена, и пророки этого краха уже держат наготове одеяния кающихся грешников.

В здоровом варианте этот глобализм представляет собой холодное, трезвое мышление, которое реально оценивает последствия развития техники и принимает во внимание связанные с ними большие риски. Выводы его в конечном счете носят весьма полезный характер, поскольку пробуждают и усиливают восприятие обществом рисков от политизированных решений по поводу научных исследований, технологий, инвестиций капитала, т. е. в таких сферах, которые до сих пор оставались недоступными контролю демократических сил.

Однако политизированное давление, исходящее от глобальных проблем, связанных с окружающей средой, когда, например, начинают задумываться о возможной климатической катастрофе, направлено вовсе не на глобально унифицированный субъект действия, который мог бы призывать к благоразумию или привлечь к ответственности. Хотя о мировом

сообществе и говорят как о всемирной коммуникации, оно все же не конституирует субъект человечества как действующую величину, как о том мечталось на протяжении всей истории философии.

Силой обладают только государства и союзы государств, у «человечества» ее по-прежнему нет. Это слово звучит лишь как заклинание на арене действия реальных сил, где глобальная асимметрия власти, продуктивности и богатства породила новый тип суверенитета: как показывают события последних лет, суверенен тот, кто может переложить на других тяжесть последствий за собственные действия. В этом смысле США, когда они саботируют международные соглашения о защите окружающей среды, более суверенны, чем другие страны.

Когда начнет ощущаться нехватка таких важнейших ресурсов, как энергия, вода или воздух, именно сила будет играть решающую роль в распределении шансов на выживание. Последствия этого дефицита почувствуют на себе в первую очередь слабые, хотя, разумеется, в дальнейшем это затронет и сильных. В любом случае является самообманом мысль о том, что глобальные проблемы в условиях апокалиптического миропорядка способны привести к глобальной солидарности. Здесь всегда будет действовать железный закон: весь груз несут на себе последние. Пока живет надежда, что ты станешь относиться не к замыкающим, а, как минимум, к предпоследним, подобная логика будет оставаться в силе.

Размышления о глобальном впадают в неопределенность не только в связи с проблемами глобального мироустройства, они заводят также в дебри других проблем, при решении которых глобализм как идеология тоже заблуждается со своими патентованными рецептами. Глобальность представляет собой комплексную взаимосвязь, и любые действия внутри нее приносят чаще всего другие результаты, чем предполагалось вначале. Так было всегда, но сегодня мы знаем об этом больше, в силу чего утратили невинность, обусловленную прежде нашим неведением.

Тем временем даже обыденное сознание навязывает глобальный горизонт проблем, в результате чего у человека появляется все больше возможностей убедиться в собственном бессилии. Современная жизненная среда не является больше защитным пространством. Почти каждое изменение в любой смежной области – на работе, во время еды, поездки на транспорте, при использовании средств массовой информации или медицинских услуг – может рассматриваться теперь как последнее звено в цепи причин, которую в отдельности мы не можем больше обозреть, но про которую мы все-таки знаем достаточно много, чтобы осознать, что она уходит далеко назад в сверхкомплексную глобальную сеть.

Раньше большое и всеобщее целое относилось исключительно к компетенции особой элиты, которую вначале составляли философы и священники, а потом к ним присоединились еще и политики. Если общаться с целым демонстративно начинал кто-то из обычных людей, то он считался исключением. В политически обширном мире в период великих империй росли практические требования к этим элитам, которые должны были не только отобразить это целое, но и сделать его объектом конкретных политических действий. Так, например, в Римской империи появился знаменитый принцип большой политики «разделяй и властвуй!».

К особенностям современной глобализации относится, помимо прочего, то, что она демократизирует глобальное мышление. Осмысление цело-

го стало теперь уделом всеобщего, массового сознания. Поэтому и существует, что вполне логично, также идеологический глобализм. Он является актуальным проявлением политизации, которая нашла выражение в больших сдвигах сознания, происшедших в период Нового времени.

При абсолютизме политика была монополией монархического государства. Монархическая власть являлась абсолютом, поскольку обладала безраздельной политической силой. Абсолютистское государство монополизировало политику, общество было свободно от нее, причем в двойном смысле: оно не искало, за небольшим исключением, форм выражения своих политических интересов, и вообще не было вовлечено государством в политику. Отчужденная от политики личность отвечала на это повышением ценности собственного внутреннего мира, своей морали и культуры.

Дальнейший ход истории известен: Великая французская революция превратила морализирующую и погруженную в искусство общественность в реальную политическую силу, которая потребовала у абсолютизма ввести принцип публичности. Этим общество разрушило абсолютистскую политическую монополию и вернуло ее себе, следствием чего явилось коренное изменение сферы политики: она стала делом масс и каждого отдельного человека.

В этом смысле политика приобрела теперь тотальный характер. Захлестнувшая Европу волна революций не только принесла конец старым кабинетным и наемным войнам, но и принципиально изменила отношение обычного человека к истории, которая прежде врывалась в него подобно природной катастрофе. Отныне она стала пониматься как ход событий, в котором каждый может принять активное участие. Политика стала теперь и делом сердца (вспомним известное изречение Наполеона: «Политика — это судьба!»). Но такая ее тотализация имела и обратную сторону: все, что не могло быть переведено в политическую область, стало считаться несущественным.

Этот эпохальный сдвиг в сторону политизации, случившийся на рубеже XIX–XX веков, можно считать началом сегодняшнего глобализма. Именно тогда сложилась новая конфигурация отношений между отдельной единицей и целым. Вопросы смыслового характера, которыми раньше занималась религия, отошли теперь к компетенции политики.

Политизация стала первым драматическим ограничением в восприятии целого. В середине XIX века свои претензии на властвование над судьбами и мыслями людей заявил экономизм, для которого главной ценностью являлись деньги, а истина рассматривалась как некий товар. Деньги и товарообмен действительно связывали все со всем и врывались даже в самые укромные уголки как отдельного индивида, так и общества в целом.

В современном глобализме политизация и экономизм успешно конвергируют между собой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что сегодня размышлять о глобальном можно только с чувством стеснения и узости. Экономизм рождает представление бесконечно монотонного универсума, состоящего из места работы, рынка, денежных потоков и движения товаров. А политизация, в свою очередь, ограничивает мысли рамками стратегии и контрстратегии. Глобальное в политическом восприятии обедняется до голого противостояния расчетов силы или бессилия.

Иными словами, в условиях глобализации мышление тоже делает попытку выйти на целое и всеобщее. Оно монотонно вращается в кругу обо-

их ключевых вопросов: как овладеть глобальным, спрашивают одни, и как спастись от него, вопрошают другие. То же самое относится и к представлениям. Они остаются в плену многократно виденных телевизионных изображений бедности и богатства, насилия и развлечений, пустынь и метрополий. Для глобализированного средствами массовой информации сознания пространство стало тесным, исчезло ощущение открытой, простирающейся далеко вперед дали. Многие представляется нам хорошо знакомым, хотя в действительности мы мало что об этом знаем.

Стесненность и узость форм восприятия глобализма особенно заметны в сравнении с космополитизмом – этим исторически старым способом охвата целого. С момента своего возникновения космополитизм выполнял функцию определенной лазейки. В эпоху античности космос воспринимался как большое целое, к которому, собственно, относится и сам человек, где можно обрести убежище от связывающих его по рукам и ногам законов и правил.

Эту роль космополитизм продолжал играть и в Новое время. А вот в эпоху тоталитарных диктатур, опиравшихся в идейном плане на национализм и социализм, он, как известно, начал клеймиться как враждебный и создающий угрозу существующему строю. В тоталитарных тюрьмах народов космополит смотрелся как ненадежный человек, а в худшем случае – воспринимался как предатель. Но и в эти времена космополитическая лазейка сохранялась, пусть и с помощью весьма хитроумных способов и ухищрений.

Сегодня у глобализма этой функции больше нет. Исходя из этой точки зрения, мы еще раз попытаемся обобщить различные формы глобализма.

Неолиберальная идеология делает капитал космополитичным в самом тривиальном смысле, в известной мере тезис «моя родина там, где мне хорошо!» уже можно назвать космополитичным. Капитал действительно имеет много отечеств, он всегда чувствует себя как дома там, где он хорошо используется. Космополитичными в этом смысле являются также и «глобальные игроки», которые живут за счет обращения своего капитала и рассылают по всему земному шару электронные послания, факсы и разного рода сообщения.

Глобализм как идеология «глобальных игроков» выполняет еще и функцию лазейки, но уже совсем в ином смысле по сравнению с космополитизмом. Этот глобализм добивается открытия рынков для осуществления инвестиций, для продуктов и услуг, произведенных в странах третьего мира, но придерживается при этом принципа государства с закрытой торговлей.

Глобализм как антинационализм (или мультикультурализм) обнаруживается, по крайней мере, в Германии и некоторых других странах Европейского союза, скорее не как реальная брешь в целое, а как маневр, направленный на облегчение собственной ноши. Убегая от своей истории, адепты такого глобализма пытаются найти убежище в безграничном пространстве целого.

Наконец, что касается экологически-экуменистского глобализма спасения мира, то он делает ставку не на космополитическую вместительность, а, напротив, на глобальный страх перед нехваткой пространства.

Таким образом, все происходит как всегда: глобализм делает пространство тесным и даже там, где он действительно ощутил, морален и ответ-

ственен, он нагромождает гору проблем, от которых можно попросту прийти в отчаяние.

Глобализм являет собой симптом чрезмерно завышенных требований. Поэтому, очевидно, глобализацию не может вынести ни один человек, отчего и происходят погружение в различные идеологии (неолиберализм, мультикультурализм и т. д.) и бегство в фантазии как разрушительного, так и спасительного характера. Конечно, есть также и вполне трезвая, политически квалифицированная, направляемая чувством справедливости практическая связь с проблемами глобализации. Некоторые ее критики предпочитают распускать слухи, выискивать противоречия, разжигать скандалы и побуждать к прагматическим акциям протеста.

Симптомы подобного мышления имеются и во властных структурах официальной политики. Именно потому область глобального превратилась в арену, на которой выступают экономика, СМИ, политика, стратегии и контрстратегии. Теперь это совсем не то целое, которое присутствовало прежде в теологии, метафизике, универсализме и космополитизме, в своем современном виде оно послужило причиной острого противостояния различных экономических, технических, политических разработок.

Отсюда и появляется описанное выше своеобразное чувство сокращения и сужения в глобальном масштабе. Все кажется в той или иной степени заслуживающим доверия, в том числе и плохие новости. Из всех регионов мира раздаются глобальные императивы. Одновременно с каждой информацией приходит и чувство бессилия. Глобальность представляется как системная связь, функционирующая столь могущественно и, в конечном счете, бессубъектно, что становится уже почти неприличным вспоминать о значении индивида.

И все же однажды наступит такой момент, когда станет необходимым развернуть сцену на 180 градусов и четко уяснить себе, что существует не только голова в мире, но и мир в нашей голове. Несомненно, индивид ничто без целого, к которому он относится. Но это утверждение действует также и наоборот: это целое было бы ничем, если бы оно не отражалось в наших головах, в голове каждого отдельного человека. Каждый индивид представляет из себя сцену, на которой выступает мир и где он может явиться на публику. Мир будет глубокомысленным или пустым в зависимости от того, станет ли индивид умным или глупым. Поэтому формирование глобализации, новой как по форме, так и по содержанию, остается той задачей, с которой можно будет справиться лишь в том случае, если не будет упущено другое важнейшее дело: индивид должен сформировать самого себя. Ведь он тоже является тем целым и всеобщим, где соприкасаются земля и небо.

¹ Nî : *Safranski R.* Wieviel Globalisierung verträgt der Mensch. München, 2003. S.19.

² *Scharenberg A., Schmidtke O.* Das Ende der Politik. Globalisierung und der Strukturwandel des Politischen. Münster, 2003. S. 23